

Субкоманданте Маркос

Чьяпас: тринадцатое знамение

июль 2003

Оглавление

Часть первая: Улитка	3
Часть вторая: Смерть	8

Часть первая: Улитка

В горах юго-востока Мексики светает.

Неторопливо, своим медленным но уверенным движением, луна позволяет темной простыни ночи спуститься с ее тела, чтобы все увидели наконец зрелую наготу ее света. Вот она ложится на краешек неба, с единственным желанием смотреть и чтобы на нее смотрели, что значит прикасаться и чтобы к ней прикасались. Единственное, что может свет — это выделить себе противоположное, поэтому там, внизу одинокая тень протягивает руку облаку и шепчет ему: «Иди со мной, сердцем своим посмотри туда, куда указывает тебе мой взгляд, иди по моему следу и усни у меня на руках. Там, вверху, звезды и луна превращаются в улитку, которая — одновременно и источник и судьба. Смотри и слушай. Эта земля — достойная и восставшая. Мужчины и женщины, которые живут на ней — точно такие же, как и многие другие мужчины и женщины мира. Давай пройдем дальше, чтобы увидеть и услышать их сейчас, когда время зависло между ночью и днем, когда рассвет царит над этими землями.

Осторожно с лужами и грязью. Ступай лучше след в след, следы в этом, как и многих других случаях, знают больше. Слышишь смех? Это пара, повторяющая в это время древний ритуал любви. Он шепчет что-то, она смеется и этот смех — как песня. Потом тишина, потом вздохи и приглушенные стоны. Или как раз наоборот — сначала вздохи и стоны, а потом шепот и смех. Но пройдем дальше, ведь любви не нужны никакие свидетели, кроме жадного слияния тел и взглядов, а солнечный свет не заботясь о времени, обнажает любые тени.

Подойди сюда. Давай присядем здесь, я хочу тебе кое-что рассказать. Мы — на восставших землях. Здесь живут и борются эти самые, зовущие себя «сапатистами». Они очень другие, эти сапатисты. . . и многих обычно доводят до отчаяния. Вместо того, чтобы ткать свою историю из казней, смерти и разрушения, они стремятся жить. И многочисленные авангарды мира хватаются за голову, потому что в этом «победа или смерть» сапатисты и не побеждают, и не умирают, но и не сдаются, и изо всех сил избегают как мученичества, так и сдачи врагу. Совершенно другие они. И даже этот самый, о котором говорят, что он их лидер, некий Суп Маркос, больше похож на Кантинфласа¹ или Педро Инфанте², чем на Эмилиано Сапату или Че Гевару. И нечего даже говорить, что никто не принимает их всерьез, потому что впереди всех в насмешках над ними — они сами.

Они — восставшие индейцы. Таким образом, они рвут с традиционной схемой, которая сначала из Европы, а потом всеми другими, одетыми в цвет денег, была навязана им, чтобы смотреть и быть смотримыми.

¹ Кантинфлас — псевдоним Марио Морено Рейеса (1911-1993), великого мексиканского комического киноактера.

² Педро Инфанте — Хосе Педро Инфанте Крус (1917-1957), популярный мексиканский киноактер и певец.

Так что их не удовлетворяет ни «сатанизированный» образ жертвоприносителей людей дабы ублажить своих богов, ни образ несчастного индейца с протянутой рукой, в ожидании милостыни от того у кого есть все, ни образ простодушного дикаря, развращенного современностью, ни образ младенца, умиляющего взрослых своим бормотанием, ни образ покорного пеона всех асьенд, ранящих историю Мексики, ни образ умелого ремесленника, чьи работы украсят стены дома того, кто на самом деле его презирает, ни образ невежды, который не может высказывать своего мнения на темы, выходящие за границы ограниченного горизонта его географии, ни образ труса, трепещущего перед ликом богов небесных и земных.

Потому что представь себе, сизый странник, что эти индейцы умудряются раздражать даже тех, кто симпатизирует их делу. Потому что они не подчиняются. Когда от них ждут слов, они молчат. Когда ожидают их молчания, они говорят. Когда от них ждут руководства, они отступают назад. Когда ожидают, что они останутся позади, они заходят с другой стороны. Когда ожидают, что они ограничатся своей географией, они обращаются ко всему миру и борьбе других. То есть, довольными они никого не оставляют никого. И кажется, это их не особенно волнует. По настоящему их волнует лишь быть в согласии с своим сердцем, поэтому они следуют путями, которое оно им указывает. Кажется, именно это они сейчас и делают. Везде на дорогах возникают люди. Они приходят и уходят, обмениваясь скупыми приветствиями. Проводят долгие часы на собраниях, ассамблеях или чем-то в этом духе. Входят туда с хмурыми лицами и выходят с общими улыбками.

Ммм . . .

И что бы там ни было, наверняка то, что они будут говорить или делать, понравится далеко не всем. Кроме того, как говорит Суп, специальность сапатистов — в том чтобы создавать проблемы и потом искать, кому их решать. Так что от этих собраний можно ожидать только новых проблем . . .

Может быть, если мы посмотрим внимательно, нам удастся угадать, в чем дело. Сапатисты — очень другие, не знаю говорила ли я тебе об этом раньше, дело в том что они представляют себе некоторые вещи раньше, чем эти вещи возникают на самом деле и думают, что называя их, эти вещи могут обрести жизнь и пуститься в путь . . . и да, создавать проблемы. Так что они наверняка уже себе что-то представили и будут начинать действовать так, будто это уже существует, и никто ничего не поймет, пока не пройдет время, потому что на самом деле, однажды названное, начинает обретать плоть, жизнь и будущее.

Таким образом, мы можем попробовать найти какую-нибудь подсказку . . . Нет, не знаю, где искать ее . . . Мне кажется, они привыкли смотреть ушами и слушать взглядом. Да, я понимаю, что звучит немного сложно, но сейчас мне не приходит на ум ничего лучшего. Поднимайся, пойдем дальше.

Смотри, вон там ручей образует воронку и в ее середине пляшет луна в своем кривом танце. Воронка . . . или улитка.

В этих краях говорят, что старейшие из стариков говорят, что другие их очень давние предки говорили, что самые первые люди этой земли особенно ценили фигуру улитки. Говорят, что говорят, что говорили, что улитка представляет собой вход в сердце, потому что именно сердцем называли знание самые первые из людей. И говорят, что говорят, что говорили, что улитка представляет собой еще и выход из сердца в мир, потому что именно миром называли жизнь самые первые из людей. И еще, говорят, что говорят, что говорили, что улиткой называли коллектив, для того, чтобы слово шло от одного к другому и рождалось согласие. И кроме того, говорят, что говорят, что говорили, что улитка помогала уху услышать даже самое дальнее из слов. Это говорят, что говорят, что говорили. Я не знаю. Я иду, держа тебя за руку, и показываю тебе то, что видит мой слух и что слышит мой взгляд. И вижу и слышу улитку, пу'й, как называют ее на здешнем языке.

Шш . . . Тишина. Рассвет уже уступает свое место дню. Да, я знаю, что еще темно, но посмотри, как в этих домах вспыхивают понемногу огни очагов. Поскольку сейчас мы тени укрытые тенью, никто нас не видит, но если бы нас увидели, нас наверняка угостили бы кофе, который всегда так кстати в эти холода. Как и твои пальцы, переплетающиеся у меня в руке с моими. Смотри, луна уже соскользнула на запад, укрыв за горами свою беременность светом. Пора уходить, время скрыть наши шаги в пещере, месте освобождения страсти и замены одной усталости на другую, более приятную. Пойдем, там я всем своим телом и словом буду шептать тебе:

Как хотел бы я быть
радостью, среди стольких
радостью среди всех
радостью для тебя
любовью, любовью, любовью
любовью твоей любви
но я лишь тот, кто я есть
(Педро Салинас «Слова для тебя»).

Там мы уже ничего не увидим, но в полусне страсти, приплывшей в надежный порт, мы сможем услышать то, что в последние дни беспокоит этих сапатистов, занятых переделыванием всего на свете, даже самого времени, и вновь, как знамя, поднимающих другой календарь . . . календарь сопротивления.»

Тень и свет уходят. Они не заметили, что в одном из домов тусклый огонек горел всю ночь. Сейчас, внутри, группа мужчин и женщин разделяют между собой кофе и тишину, точно так же как только что разделяли слово.

В течение долгих часов, эти существа со смуглым сердцем создавали своими мыслями огромную улитку. Начавшись с тематики международной, их

взгляд и мысль уходили вовнутрь, проходя последовательно через национальное, региональное и местное, пока они не пришли к тому, что они называют «Вотан. Хранитель и сердце народа», к сапатистским селениям. Так, начиная с самого внешнего из витков улитки, обсуждались такие слова, как «глобализация», «война для подчинения», «сопротивление», «экономика», «город», «село», «политическая ситуация» и другие, постепенно стиравшиеся после конкретного вопроса « — Ясно, или есть вопросы?». В конце пути извне вовнутрь улитки, в центре улитки осталась только одна аббревиатура «САНО». После этого возникают предложения, и в мыслях и сердцах возникают окна и двери, видимые лишь им (среди прочих причин, из-за того, что их пока не существует). Рассеянные и несовпадающие между собой слова начинают искать общий, коллективный путь. Кто-то спрашивает « — Договорились?» «Да», подтверждает голос уже коллективный. Вновь начинается путь по спирали улитки, но на этот раз в противоположном направлении, наружу. Тряпка для вытирания лишнего тоже следует этим путем, пока на старой школьной доске не останется одна-единственная фраза, кажущаяся бредом для многих, но для этих мужчин и женщин именно в ней главный смысл их борьбы: «Мир, который будет вмещать многие миры». И сейчас будет принято решение.

Тишина и ожидание. В ночной дождь выходит одна из теней. Короткая вспышка света едва освещает ее взгляд. И в вернувшуюся темноту поднимаются кольца дыма из ее рта. Заложив руки за спину, она начинает ходить взад и вперед. Несколько минут назад там, внутри, было принято решение об одной смерти. . .

Часть вторая: Смерть

Несколько дней назад, Сапатистская Армия Национального Освобождения приняла решение о смерти так называемых «Агуаскальентес» в Ла-Реалидад, Овентике, Ла-Гарруче, Морелии и Роберто-Барриос. Все они находятся на восставшей территории. Решение о ликвидации «Агуаскальентес» было принято в результате долгих размышлений. . .

8 августа 1994 года, на сессии Национальной Демократической Конвенции, проведенной в Гуадалупе-Тепейак, команданте Тачо, от имени Подпольного Революционного Индейского комитета — Генерального Командования Сапатистской Армии Национального Освобождения, открыл, в присутствии 6000 человек, прибывших из разных мест Мексики и мира, открыл так называемый «Агуаскальентес» и передал его национальному и международному гражданскому обществу.

Многие так и не познакомились с этим первым «Агуаскальентесом», некоторые потому что не смогли приехать, другие потому что были тогда слишком молоды (если вам сейчас 24 года, то есть пошел 25, то тогда вам было 14 лет, то есть шел 15), а был это выдающийся корабль. Он стоял на мели на краю одного из холмов и его гигантские белые паруса были готовы к пересечению семи морей. Над капитанским мостиком гордо и вызывающе реял «веселый Роджер». Вправо и влево раскрывались как крылья огромные национальные флаги Мексиканских Соединенных Штатов. На нем были собственные библиотека, клиника, уборные, оросительные системы, фоновая музыка (в которой настойчиво сменяли одна другую две темы: «Страница с косой» и «Меченые карты»), и по некоторым слухам, была оборудована даже площадка для покушений. Общая фигура строений напоминала, благодаря тому что мы называли «косым домом», как я когда-то рассказывал, гигантскую улитку. На самом деле, «косой дом» не был косым, в нем существовал разлом, напоминавший на первый взгляд архитектурную ошибку, но с высоты можно было видеть спираль, сформированную его конструкциями. Экипаж первого «Агуаскальентеса» состоял из индивидуумов и «индивидуумш» без лица, очевидных нарушителей морских и земных законов, а его капитаном был самый выдающийся из всех пиратов, когда-либо бороздивших океаны — заплатка на месте отсутствующего правого глаза, черная борода с серебристыми проборами, выступающий нос, крюк-кошка в одной руке и сабля в другой, одна нога настоящая, другая деревянная, пистолет за поясом и трубка в зубах.

Процесс прихода к строительству этого первого «Агуаскальентеса» был случайным. . . и болезненным. И я имею в виду не его физическое построение (осуществленное в рекордные сроки и без телерекламы), а концептуальное. Объясняю:

Мы, после 10 лет нашей подготовки убивать и умирать, пользования и использования всех видов оружия, производства взрывчатки, проведения стратегических и тактических военных маневров, то есть после подготовки к ведению войны, в результате первых же дней боев подверглись вторжению

настоящей армии сначала журналистов, а затем — мужчин и женщин самого различного социального, культурного и национального происхождения. Это было после пресловутых «Диалогов в Соборе» в феврале-марте 1994 года. Журналисты с перерывами разной продолжительности продолжили появляться, но присутствие этого другого и странного явления, называемого нами «гражданским обществом», чтобы провести различие между ним и классом политиков и в то же время не замыкать его в рамках тех или иных социальных классов, было всегда постоянным. Мы учились и, думаю, это гражданское общество тоже. Мы учились слушать и говорить, точно также, думаю, как и гражданское общество. Думаю еще, что это обучение для нас было менее сложным.

В конце концов, происхождение САНО было следующим — группа «просветвленных», прибывших из города чтобы «освободить» эксплуатируемых, столкнувшись с реальностью индейских общин, оказалась похожей больше на перегоревшие фонарики чем на «просветвленных». Сколько времени заняло наше понимание того, что мы должны были сначала научиться слушать, а только потом говорить? Трудно сказать точно, прошло немало лун, но, думаю, это заняло не меньше двух лет. То есть, то что в 1984 году было классическим революционным партизанским отрядом (вооруженное восстание масс, захват власти, установление социализма сверху, множество статуй, обилие героев и мучеников, чистки, и т.д., в общем, счастливый мир), в 1986 году было уже вооруженной группой, в подавляющем большинстве индейской, внимательно слушающей и едва произносящей свои первые слова со своим новым учителем — индейскими народами. Думаю, я уже много раз раньше рассказывал эту часть процесса организации (или «реорганизации») САНО. Но сейчас я повторяю это не для того чтобы надоедать вам собственными ностальгическими воспоминаниями, а чтобы попробовать объяснить как мы пришли к строительству первого «Агуаскальентеса» и потом к их распространению на сапатистских, то есть восставших, землях.

Всем этим я хочу сказать, что главным актом в создании САНО было наше обучение сначала слушать, а потом — говорить. Думаю, что мы научились этому тогда хорошо и поэтому добились успеха. При помощи этого нового инструмента, созданного нами из слов, которым мы научились, САНО вскоре превратилась в организацию не только, насчитывающую тысячи бойцов, но и со всей очевидностью «слившейся» с индейскими общинами. Иными словами, мы перестали быть «иностранцами» и превратились в часть этого забытого страной и миром уголка — гор юго-востока Мексики.

Наступил момент, я не могу сказать когда точно, когда уже не было так, что с одной стороны САНО и с другой — индейские общины, а все мы уже являлись просто сапатистами. Вспоминая этот период, я неизбежно становлюсь схематичен. Надеюсь у нас еще будет другая возможность и другое средство, чтобы описывая этот процесс более подробно, вспомнить, что, в нем, конечно, было немало противоречий, просчетов и провалов.

Итак, мы находились еще в процессе, так сказать, обучения (хотя, думаю, мы никогда не прекращаем учиться), когда у «вновь появившегося» Карлоса Салинаса де Гортари (в те времена, президента Мексики, благодаря неслыханной фальсификации результатов выборов) возникает «блестящая» идея провести реформы, которые закончились лишением права крестьян на землю.

Последствия этого в уже сапатистских общинах оказались, мягко говоря, чудовищными. Для нас (обратите внимание, я уже не делаю различия между общинами и САНО), земля — это не товар, она обладает множеством культурных, религиозных и исторических черт, объяснять которые я сейчас не буду. Так что неожиданно ряды наших регулярных войск начали расти в геометрической прогрессии.

И не только они, стала расти и нищета, и вместе с ней смерть, особенно среди детей младше пятилетнего возраста. По возложенным на меня в то время обязанностям, я должен был по радио проводить переключку уже сотен селений, и не было ни дня, когда одно из них не сообщало бы нам о смерти мальчика, девочки, матери. Как на войне. Потом мы поняли, что это действительно была война. Неолиберальная модель, которую со всеми присущими ему цинизмом и развязностью возглавил Карлос Салинас де Гортари, стала для нас настоящей войной на уничтожение, этноцидом, в результате которого уничтожались целые индейские народы. Поэтому, когда мы говорим о «неолиберальной бомбе», мы знаем о чем говорим.

Представляю себе (и найдутся серьезные исследователи, которые смогут привести точные цифры и провести исчерпывающий анализ), что то же самое происходило во всех индейских общинах Мексики. Разница заключалась лишь в том, что мы были вооружены и подготовлены к войне. Одно стихотворение Марио Бенедетти гласит, что мы не всегда делаем то, что хотим, что мы не всегда можем, но всегда имеем право не делать того, чего не хотим. И в нашем случае, мы не хотели умирать . . . или, точнее, не хотели умирать таким образом.

Я уже говорил когда-то раньше, о том как важна для нас память. И поэтому смерть от забвения была (и остается) для нас худшей из смертей. Я знаю, что это звучит апокалиптически, и многие найдут в этих моих словах мученический оттенок, но на самом деле, мы оказались в тот момент перед выбором, но не между жизнью и смертью, а между одним видом смерти и другим. Решение, коллективное, и обсужденное с каждым из, в те времена, десятков тысяч сапатистов, это уже история — именно оно вызвало тот взрыв на рассвете первого января 1994 г.

Ммм. Мне кажется, я отвлекаюсь, потому что задача этого текста — сообщить вам, что мы приняли решение о смерти сапатистских «Агуаскальентес». И не только сообщить, но и постараться объяснить вам, почему. Так что будьте великодушны и читайте дальше. Загнанные в угол, мы выступили в ту ночь 1994 г., ясно представляя себе только две вещи — первая заключалась в том,

что нас уничтожат, и вторая — в том, что это привлечет внимание порядочных людей к преступлению, которое будучи молчаливым и находясь вдали от средств информации, является от того не менее кровавым — геноцид тысяч семей мексиканских индейцев. Так, как я это говорю, может привести к мысли, что у нас было (или есть) призвание мучеников, приносящих себя в жертву ради других.

На самом деле, это не так. Потому что хотя, если здраво рассуждать, у нас не было ни малейшего военного шанса на успех, наше сердце думало не о смерти, а о жизни, и поскольку мы были (и остаемся) сапатистами и, следовательно, привыкли всегда и во всем сомневаться, мы думали, что можем ошибаться в том, что нас обязательно уничтожат, и что, может быть, восстанет народ всей Мексики. Но, откровенно говоря, это наше сомнение было слишком маленьким, чтобы реально предположить то, что произошло на самом деле.

А произошло именно то, что послужило причиной создания первого «Агуаскальентеса» и остальных, за ним следовавших. Думаю, нет необходимости повторять описание того, что произошло. Я почти уверен (хотя обычно я почти ни в чем не уверен), что читающий эти строки в чем-то или во многом связан с тем, что произошло.

Так что сделайте усилие и поставьте себя на наше место — долгие годы готовиться стрелять из оружия и вдруг оказывается, что основным оружием становится слово. И об этом просто только говорить, вот сейчас я перечитываю то, что написал и кажется, что все произошло как-то само по себе и естественно, как силлогизм из тех, которым учат школьников. На самом же деле, в тот период, поверьте мне, все было далеко не так просто. Пришлось очень много спорить . . . и мы продолжаем это делать. Но дело в том, что воин никогда не забывает того, чему его учили, и как я уже объяснил раньше, мы научились слушать и говорить. Так что тогда, как сказал не помню кто, история, уставшая от долгого пути, повторялась, и мы вновь были, как в самом ее начале, то есть, вынуждены опять учиться.

И мы узнали, например, что мы были другими, и что было множество других, отличных от нас, и в то же время различных между собой. То есть, почти немедленно после бомб («это были не бомбы, а ракеты», поспешили тогда уточнить некоторые скупулёзные интеллектуалы, критиковавшие прессу за то, что она писала о «бомбежах индейских общин») на нас обрушилось такое невероятное разнообразие организаций и персонажей, что мы не раз подумали, что действительно, возможно было бы лучше, если бы нас, как и предполагалось, сразу просто уничтожили.

Один боец определил это в совершенно сапатистских терминах в апреле того 1994 года. Он пришел доложить мне о прибытии каравана гражданского общества. Я спросил его, сколько их (их нужно было где-то разместить) и кто они (я спрашивал не об имени каждого, а об организациях или группах, к которым они принадлежали). Повстанец задумался, чтобы сначала взвесить

вопрос, а потом решить, как лучше на него ответить. Это обычно занимает какое-то время, и я зажег трубку. После долгой паузы, этот товарищ сказал: «Их до фи́га и они — это полный улёт». Думаю, что бесполезно распространяться о вселенной количественных значений научного понятия «до фи́га», но словом «улет» повстанец хотел выразить не свое отрицательное отношение или настроения прибывших, а определял композицию состава группы. Что значит «улёт»? спросил я его. «Улёт», ответил он, «Там хватает . . . всех . . . понемногу . . . и их там до фи́га», закончил он, чтобы я понял что нет более точного научного термина, чтобы определить лучше разнообразия, вторгшегося на восставшую территорию. Вторжение повторилось вновь и вновь. Иногда их было действительно до фи́га. В других случаях, их было больше, чем до фи́га. Но всегда это был, прибегая к неологизму, использованному повстанцем, «полный улёт».

Тогда мы почувствовали, что у нас нет выбора, что мы должны были научиться, и эта учеба должна быть делом немедленным и срочным. Так, мы подумали о школе, где мы стали бы учениками, и этот «улёт» учителем. К июню 1994 года мы были уже готовы (то есть, мы не слишком быстры, чтобы понять, что нам необходимо учиться) и родилась известная «Вторая Декларация Лакандонской Сельвы», в которой был призыв к созданию «Национальной Демократической Конвенции» (НДК).

История НДК — тема для другого рассказа, я называю ее просто чтобы сориентировать вас во времени и пространстве. Пространство. Да, это было частью проблемы в нашей учебе. То есть, нам было необходимо пространство, чтобы научиться слушать и говорить с этим разнообразием, которое называем «гражданским обществом». Тогда мы договорились создать такое пространство и назвать его «Агуаскальентес», поскольку это должно было стать главным помещением Национальной Демократической Конвенции (в честь места проведения Конвенции мексиканских революционных сил второго десятилетия XX века). Но идея «Агуаскальентес» шла дальше. Мы хотели иметь пространство для диалога с гражданским обществом. И слово «диалог» значит еще научиться слушать другого и научиться говорить с ним. Тем не менее, пространство «Агуаскальентес» было связано с конъюнктурной политической инициативой, и многие предположили, что когда эта инициатива была исчерпана, существование «Агуаскальентес» потеряло смысл. Очень немногие вернулись в «Агуаскальентес» Гуадалупе-Тепейак. Потом было предательство Седильо 9 февраля 1995 года и «Агуаскальентес» был практически полностью разрушен федеральными войсками. На его месте возникли военные казармы.

Но если есть что-то характеризующее сапатистов, то это настойчивость («или глупое упрямство», подумают некоторые). Так что не прошло и года, как новые «Агуаскальентес» возникли в разных местах восставшей территории — Овентик, Ла- Реалидад, Ла-Гарруча, Роберто-Барриос, Морелия. Тогда «Агуаскальентес» действительно стали тем, чем должны были являться — простран-

ством для встречи и диалога с национальным и международным гражданским обществом. Кроме своей функции центров крупных инициатив и встреч в памятные даты, они превратились в место повседневной встречи «гражданских обществ» и сапатистов.

И не только. Другие «Агуаскальентес» возникли в других точках национальной территории (сразу вспоминаю «Каса-дель-Лаго», созданный КЛЕТА и самый новый, под названием «Охо-де-Агуа» в университетском городке Мексиканского Национального Автономного Университета — оба в Мехико), и мира (самый последний в Мадриде, Испании). Те, кто создал и сохранил эти пространства, должны быть недовольны, читая сейчас о том, что сапатисты приговорили «Агуаскальентес» к смерти. Но они будут неправы, рассердившись на нас, потому что у сапатистов полных смертей не бывает.

Я говорил вам, что мы стараемся научиться в результате наших встреч с национальным и международным гражданским обществом. Но мы ожидаем еще и того, что оно тоже будет учиться. Сапатистское движение возникло, кроме всего прочего, и из требования уважения. И уважение мы получали далеко не всегда. Нет, нас никто не оскорблял. Или по крайней мере, никто сознательно не стремился к этому. Просто дело в том, что жалость для нас — это вызов, а милостыня — пощечина. Потому что, параллельно с возникновением и работой этих пространств встречи, которыми являлись «Агуаскальентес», в некоторой части гражданского общества сохранился, как мы его называем, «синдром Золушки». Из баула воспоминаний достаю фрагменты письма, написанного мной больше 9 лет назад: «Мы не упрекаем вас ни в чем (представителей гражданского общества, приезжающих в общины), мы знаем, что вы серьезно рискуете, направляясь на встречу с нами и привозя помощь гражданским, находящимся по эту сторону. Но боль наша не от нашей бедности, а от того, что видим в других то, чего другие не видят, все ту же сиротливость свободы и демократии, все ту же нехватку справедливости. (. . .) Из того, чем наши люди приобрели, благодаря этой войне, храню пример «гуманитарной помощи» для чьяпасских индейцев, прибывший сюда пару недель назад — импортную туфельку розового цвета на тонком каблуке, размера 6,5 . . . без пары. Я все время ношу ее в своем рюкзаке, чтобы напоминать себе в перерывах между интервью, фоторепортажами и предполагаемыми сексуальными отвлечениями, чем мы стали для страны после первого января — Золушкой. (. . .) Эти добрые люди, искренне отправляющие нам импортную туфельку розового цвета на тонком каблуке, размера 6,5, без пары . . . думают, что мы по нашей бедности примем все что угодно, благотворительность и милостыню. Как сказать всем этим добрым людям, что нет, что мы не хотим продолжать жить за счет стыда Мексики?.. На эту часть нужно наложить немного макияжа, чтобы выглядело попрличнее . . . Нет, мы не хотим так жить дальше.»

Это было в апреле 1994 года. Тогда мы думали, что это вопрос времени, что люди поймут, что индейцы-сапатисты имеют собственное достоинство и ищут

не милостыни, а уважения. Вторая розовая туфелька так никогда и не пришла, и первая осталась без пары, и в «Агуаскальентес» скапливаются испорченные компьютеры, просроченные лекарства, экстравагантная (для нас) одежда, не годящаяся даже для театральных представлений («показов», говорят здесь) и, конечно же, непарная обувь. И продолжают поступать такие же вещи, как будто эти люди говорили «бедненькие, они очень нуждаются, наверняка им стодится все что угодно, а мне этот хлам мешает».

Еще бывает милостыня более более замысловатая. Ее раздачей заняты некоторые неправительственные организации и международные организмы. Она состоит, грубо говоря в том, что они сами решают, что именно нужно общинам, и даже не спросив ничего мнения, навязывают не только определенные проекты, но и время и формы их осуществления. Представьте себе отчаяние общины, которой нужна питьевая вода, а ей навязывают библиотеку, или которой нужна школа для детей, а ей дают курс лечения травами.

Несколько месяцев назад, один левый интеллигент писал, что гражданское общество должно мобилизоваться, чтобы достичь выполнения Договоренностей в Сан-Андрес, потому что индейские сапатистские общины очень страдают (внимание — не потому что это было бы справедливо для индейских народов Мексики, а для того, чтобы сапатисты не испытывали притеснений).

Минуточку. Если бы сапатистские общины захотели, в них был бы самый высокий в Латинской Америке уровень жизни. Представьте, сколько было бы готово вложить правительство, чтобы добиться нашей сдачи и сделать много фотографий и телевизионных роликов, в которых Фокс или Маргита занимались бы очередной саморекламой, тем временем, как страна разваливается у них в руках. Какой суммы не заплатил бы нам «вновь появившийся» сегодня Карлос Салинас де Гортари, чтобы закончить свой мандат не с грузом убийств Колосо и Руиса Массьеу, а с фотографией подписания мира с сапатистами, и Супа, сдающему свое оружие (может быть, то, что было дано ему Богом?) тому, кто разорил миллионы мексиканцев? Сколько не предложил бы нам Седильо, за картинку своего триумфального въезда в Ла-Реалидад, чтобы отвлечь всех от экономического кризиса, в который он вверг страну? Сколько не был бы готов заплатить «котлетник» Альборес, чтобы сапатисты согласились с его эфемерной «ремуниципализацией», которую он навязал во время своего трагикомического правления?

Нет. Предложений по покупке своей совести сапатисты получили более чем достаточно, и тем не менее они продолжают сопротивление, превращая свою бедность (для тех, кто научится видеть) в урок достоинства и щедрости. Потому что сапатисты говорят «для всех всё, для нас ничего», и если они это говорят, значит так и живут. Конституционного признания прав и культуры индейцев и улучшения условий жизни — для всех индейских народов Мексики, а не только для индейцев-сапатистов. Демократии, свободы и справедливости — к которым мы так стремимся, — для всех мексиканцев, а не только для нас.

Многим мы пытались объяснить, что цель сопротивления сапатистских общин в том, чтобы вызвать не жалость, а уважение. Здесь сейчас бедность — оружие, выбранное нашими народами для достижения двух задач: чтобы продемонстрировать, что мы не ищем асистенциализма, и чтобы показать собственным примером, что можно править и быть управляемым без паразита, называющего себя правителем. Хотя эта тема сопротивления, как формы борьбы, тоже не является задачей этого текста.

Поддержка, которой мы ждем — это для строительства малой части того мира, в который вместятся все миры. Это поддержка политическая, а не милостыня.

Часть индейской автономии (о которой речь в известном «Законе Кокопа») — это способность к самоуправлению, то есть осуществлению гармонического развития общественной группы. Сапатистские общины давно заняты этим и не раз доказали, что могут справляться с этими функциями куда лучше, чем те, кто называют себя правительством. Помощь индейским общинам не должна восприниматься, как помощь умственно неполноценным, которые сами не знают, что им нужно (и поэтому надо сказать им, что они должны получить) или детям, которым нужно сказать, что они должны есть, в котором часу и каким образом, чему им надо учиться, что они должны говорить и что должны думать (хотя я сильно сомневаюсь, что сегодня остаются еще дети, способные согласиться с таким). Но именно так рассуждают некоторые неправительственные организации и значительная часть организмов, финансирующих проекты общин.

За проекты отвечают сапатистские общины (и есть немало неправительственных организаций, могущих засвидетельствовать это), они их начинают, делают их продуктивными и направлено это на благо коллектива, а не на личную выгоду. Те, кто поддерживает одну или несколько сапатистских общин, поддерживает не только улучшение материального положения того или иного коллектива, но и проект гораздо более простой, и вместе с этим несравненно более всеобъемлющий — строительство нового мира, в который вместятся многие миры, в котором милостыня и подачки других станут частью научно-фантастических романов . . . или прошлого, ненужного и забываемого.

Со смертью «Агуаскальентес» умирает и «синдром Золушки» некоторых «гражданских обществ» и патернализм некоторых национальных и международных неправительственных организаций. По крайней мере, они умирают для сапатистских общин, которые с этого момента больше не получают подачек и не позволят навязывания им проектов.

По этой и по другим причинам, которые мы увидим потом, ближайшего 8 августа 2003 года, в день рождения первого «Агуаскальентес», будет объявлено о смерти «Агуаскальентесов». Праздник (потому что есть смерти, которые нужно праздновать) будет в Овентике и приглашаются все те, кто эти десять лет поддерживал восставшие общины, будь то проекты, лагеря мира, кара-

ваны, просто внимание к ним или товарищеское слово, все что угодно, за исключением жалости и милостыни.

9 августа 2003 года родится нечто другое. Но об этом я расскажу вам завтра. Точнее, чуть позже, потому что здесь, в горах юго-востока Мексики, достойном уголке родины, восставшей земле, убежище нарушителей закона (включая закон притяжения) и кусочке великой мировой головоломки сопротивления ради человечества и против неолиберализма, уже рассветает.

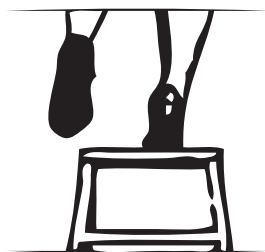
(Продолжение следует . . .)

Из гор юго-востока Мексики

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Субкоманданте Маркос
Чьяпас: тринадцатое знамение
июль 2003

Мексика, июль 2003 г
Перевод Олега Ясинского
Требуется найти оригинал!